

Представляем читателям заключительную статью из серии публикаций, основанных на материалах этносоциологического исследования, впервые проведенного в 1992–1993 гг. в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, повторенного в тех же городах в 1997–1998 гг. и посвященного разнообразным аспектам формирования национальной идентичности российских евреев. Оба раза с помощью формализованного интервью были опрошены по 1300 респондентов в возрасте 16 лет и старше по репрезентативной для каждого из трех городов выборке. В первых двух статьях серии (см. «Диаспоры», 2000, № 3; 2001, № 1) подробно описаны концепция, методология, инструментарий проекта, а также рассмотрены его эмпирические результаты, касающиеся структуры этнической идентичности, роли иудаизма и традиций в жизни современного еврейства, влияния семьи и ближайшего социального окружения на национальную самоидентификацию, освоения культурного наследия, участия в еврейском организованном движении, политических настроений еврейского населения.

Национальное самосознание российских евреев (статья третья)

Цви Гительман, Валерий Червяков, Владимир Шапиро

1. Отношение к Израилю

С момента своего провозглашения, т. е. уже на протяжении более полувека Государство Израиль и происходившие в нем и вокруг него процессы заметно влияли на судьбы советского и российского еврейства. Существовавшая в СССР десятилетиями негласная и всеобъемлющая дискриминационная практика в отношении этого национального меньшинства опиралась преимущественно на идеологемы официальной антиссионистской, антиизраильской доктрины. Победа Израиля в Шести-

Гительман Цви, профессор факультета политических наук Мичиганского университета (США); Червяков Валерий Владимирович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН (г. Москва); Шапиро Владимир Давидович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

дневной войне 1967 г. и его противостояние враждебному арабскому окружению в последующие годы вызвали к жизни соперничество этой стране, глубокий интерес к ней со стороны многих и многих советских евреев, дали старт длительной борьбе за их право на свободную репатриацию — борьбе, увенчавшейся в конце концов успехом. Фактом истории и все еще продолжающимся процессом стала массовая эмиграция в еврейское государство, в результате чего там сформировалась крупнейшая за пределами бывшего СССР русскоязычная община.

К середине 90-х гг. значительную часть российского еврейства связывали с Израилем личные родственные и дружеские контакты, а также участие в религиозных, культурных, общественных, научных, деловых и иных обменах. Консульские службы Министерства иностранных дел, Министерство просвещения, израильские культурные центры, Еврейское агентство для Израиля («Сохнут»), другие формальные и неформальные структуры этой страны постоянно вели во многих городах России разнообразную деятельность — как связанную самым непосредственным образом с подготовкой к репатриации и предстоящей абсорбции, так и более широкую информационную, издательскую, образовательную, рекреационную (для детей и молодежи), благотворительную и т. п.

Кроме собственно израильских институций, действовавших в России, целый ряд местных еврейских организаций имели ярко выраженные израильско ориентированные цели и задачи (Российская сионистская федерация, сеть комитетов по репатриации, Фонд «Эксокус», Ассоциация преподавателей еврейской традиции «Ламед», Ассоциация гуманистического иудаизма «Еврейский мир», Московская еврейская радиостанция «Алеф», часть еврейских средних общеобразовательных школ и многие другие). Таким образом, есть все основания говорить о вполне сложившейся в России разветвленной полифункциональной инфраструктуре самого Израиля, а также поддерживаемых им и, конечно, в той или иной степени контролируемых «аборигенных» еврейских учреждений, образующих определенную систему. В этом положении вещей нет ничего экстраординарного, если сравнить с тем, какое место Израиль и различные его представительства давно занимают в жизни еврейских общин Центральной и Западной Европы, Австралии, Северной и Южной Америк. По сути, в

постсоветской России за очень короткий в историческом масштабе срок была достигнута норма, присущая цивилизованным демократическим обществам — толерантное отношение к национальным меньшинствам, поддерживающим связи с их историческими родинами.

Для понимания современного контекста, в котором взаимодействуют российское еврейство и еврейская страна, важно учитывать, что в 90-е гг. окончательно нормализовались также межгосударственные отношения России и Израиля. В декабре 1991 г. Россия вместе с подавляющим большинством членов ООН проголосовала за отмену резолюции ее Генеральной Ассамблеи от ноября 1975 г., определявшей сионизм «как форму расизма и расовой дискриминации», «угрозу международному миру и безопасности» и фактически отрицавшей право Израиля на существование. Из российского официального лексикона исчезли жупелы Израиля как «сионистского агрессора», «агента американского империализма», его «ударного отряда». Страна де-факто и де-юре отказалась от двойного стандарта в своей ближневосточной политике, стала одним из коспонсоров арабо-израильского мирного процесса, тем самым признав сближение с Израилем и непредвзятый подход к нему важными элементами своей геополитической стратегии. Две страны установили полноформатные дипломатические отношения и продолжали развивать и наращивать всю гамму сотрудничества, включая гуманитарное, правовое, культурное, в сфере туризма и спорта, торгово-экономическое, научно-техническое и даже военно-промышленное. Российским евреям обеспечивалась беспрепятственная эмиграция и посещение Израиля, а израильским структурам и отдельным его гражданам — практически полная свобода разнообразной деятельности в России.

Нормализация Россией ее отношений с Израилем, появление не идеологизированного, объективного образа этой страны в официальных и большинстве независимых СМИ существенно изменили в лучшую сторону и отношение рядовых россиян к еврейскому государству. Об этом убедительно свидетельствуют данные всероссийского репрезентативного опроса, проведенного ВЦИОМ в октябре 1997 г.¹. У каждого десятого респондента Израиль вызывал «интерес и симпатию»; около двух третей относились к нему «спокойно, как ко всем другим странам»; еще 14,9% ничего не знали о нем или не имели опре-

деленного мнения. И только 11% респондентов выражали недоверие и неприязнь.

Число тех, кто думал об Израиле как о «стране, защищающей себя, свою независимость» в полтора раза превышало долю считающих его «агрессивным националистическим государством» (последние составляли 9,5% выборки). В конфликте между израильянами и палестинцами свои симпатии отдавали первым 13,3% респондентов, тогда как вторым — 10,4%; остальные россияне в этой ситуации были нейтральны, и таких абсолютное большинство — три четверти: они не симпатизировали ни той, ни другой стороне либо затруднились с выбором.

Больше половины граждан России хотели бы съездить в Израиль в гости, по приглашению, туристами; те, у кого такого желания нет, составляли только чуть больше трети (по опросам ВЦИОМ², в октябре 1990 г. доля тех и других была одинакова — по 44%, но уже в марте 1992 г. — 47% и 40%, соответственно). Каждый пятый россиянин утверждал, что его представления об Израиле, отношение к нему изменились за последние годы в лучшую сторону; тех же, у кого они ухудшились — в девять раз меньше (всего лишь 2,3%); для большинства же (три пятых выборки) образ страны остался прежним.

В другом репрезентативном опросе ВЦИОМ³, проведенном в июле 1996 г., 16,6% респондентов оценили отношения России и Израиля как «дружеские»; 45,5% — как «чисто партнерские», а как «неприятельские, враждебные» — только 4,0%. Данный результат довольно близок к распределению ответов об отношении России к США (соответственно, 26,9%; 53,1%; 2,8%) и к Германии (24,5%; 54,4%; 2,0%). Подтверждают это и материалы всероссийского опроса, проведенного Институтом «Российское общественное мнение и исследования рынка» (РОМИР) в январе-феврале 1996 г.⁴: относились к Израилю с той или иной степенью недоброжелательности всего 15% россиян. И это не на много больше, чем показатель негативного отношения к Украине, Японии, США, Германии (от 10% до 12%), и чуть меньше, чем такой же показатель для Польши (16%) и Китая (20%).

Около двух третей российских граждан настроены одобрительно к тому, чтобы «евреи, выехавшие из нашей страны, вкладывали деньги в экономику России» (опрос ВЦИОМ в 1997 г.). Заметим, что преобладающее большинство уехавших направились в Израиль. Более того, каждый третий россиянин

ничего не имел против того, чтобы еврей-эмигранты «приобретали в России собственность, владели предприятиями, фирмами, магазинами, мастерскими».

Иное дело отношение россиян не к стране, а к государственной идеологии Израиля. Несмотря на отказ России от доктрины антисиионизма и прекращение соответствующей официальной пропаганды, уровень негативизма по отношению к понятию, с которым неразрывно связано создание и развитие еврейского государства, судя по данным ВЦИОМ, не снизился. В октябре 1990 г. 21% россиян соглашались с клише советских времен, что сионизм — это «политика, направленная на установление господства евреев во всем мире», к марту 1992 г. данный показатель упал до 17%, однако в октябре 1997 г. сторонников такой точки зрения стало уже 22%. В период 1990 — 1992 гг. удельный вес тех, кто по-прежнему определял сионизм как «идеологию, оправдывающую агрессию Израиля на Ближнем Востоке», уменьшился с 8% до 5%, однако к 1997 г. достиг 9%. Всего 8% россиян в 1990 г., 7% в 1992 г. и 10% в 1997 г., полагали, не греша против истины, что сионизм — «движение евреев за возвращение на историческую родину». Остальные опрошенные либо давали неправильные, неточные определения сионизма, не несущие, правда, отрицательной смысловой нагрузки («религия еврейского народа», «движение за возрождение еврейских традиций, культуры»), либо (три пятых в 1992 г. и две пятых в 1997 г.) вообще затруднялись ответить, что означает термин «сионизм».

Здесь уместно заметить, что 29% респондентов (опрос ВЦИОМ 1997 г.), по их утверждению, слышали о существовании «мирового сионистского заговора» (в 1990 и 1992 г. их было 26 и 25%, соответственно). Более двух пятых из этих «информированных» (что составляло 13% от всей выборки) твердо убеждены, что такой заговор — реальная вещь. В октябре 1990 г. этот показатель был почти вдвое меньшим — 7%, а в марте 1992 г. — 9%. Впрочем, за тот же период — с 1990 по 1997 г., доля россиян, не верящих утверждениям о глобальном комплоте сионистов, выросла с 20 до 38%.

Примечательно, что аудитория всероссийского опроса ВЦИОМ 1997 г. видела в сионистах одну из главных сил, заинтересованных в разжигании в России враждебности к евреям — так считали 11,8% респондентов. У сионистов этот подстрекательский интерес, по мнению россиян, меньше, чем

у «русских националистов» (29,4%) и «необразованных, темных людей» (25,6%), но больше, чем у властей (10,4%), «предпринимателей, боящихся конкуренции» (6,3%) и особенно у двух главных «гладиаторов», ведущих тогда смертельную схватку на российской политической арене — коммунистов (3,7%) и демократов (1,4%).

Таким образом, в российском общественном мнении понятия «еврейское государство», «страна Израиль», «израильяне», с одной стороны, и термины «сионизм», «сионисты» — с другой, достаточно далеко разведены, в разной степени структурированы и вовсе не тождественны друг другу, вызывая неодинаковое к себе отношение.

У евреев в восприятии понятий «Израиль», «сионизм» также обнаруживается неоднозначная картина. Только 7,4% нашей выборки 1997–1998 гг. полагали обязательным для истинного еврея, чтобы он разделял «основные идеи сионизма» (пятью годами раньше — 10,5%). Но втрое больше (25%) тех, для которых императивный критерий еврейскости — «чувствовать свою связь с Израилем, его судьбой». И все же надо отметить, что последний показатель по сравнению с 1992–1993 гг. резко снизился: тогда он составлял около половины выборки. Кроме того, в отличие от первого, во втором исследовании явно обозначилось то, что еврейская молодежь в гораздо меньшей степени принимает этот критерий, чем старшие поколения.

Далее, с максимой сионизма, сформулированной в вопросе интервью так: «все евреи должны рано или поздно вернуться на свою историческую родину — в Израиль», полностью согласны лишь 11,5% опрошенных. И это несмотря на то, что большинство респондентов (около трех пятых) все же воспринимали его в качестве исторической родины. Можно только гадать, чего больше за этим признанием — эмоциональной метафоричности или рационального знания исторической фактологии. В любом случае, такая ретроспекция носит преимущественно символический характер: «как о своей Родине — Родине с большой буквы» об Израиле думал только один из десяти, но о России — свыше трех четвертей респондентов.

Без сомнения, российские евреи в 1997–1998 гг., по сравнению с началом 90-х гг., стали знать об Израиле и его проблемах гораздо больше и могли объективнее судить о различных аспектах жизни страны. Эта информированность основана, в том числе, и на личном опыте: более четверти наших респон-

дентов хотя бы один раз побывали там (в 1992–1993 гг. такие люди составляли только 9,7%).

Передачи «Голоса Израиля» перестали быть почти эксклюзивным информационным каналом для российских евреев, о чем говорило резкое (в 2,5 раза) сужение аудитории этой радиостанции в период между двумя исследованиями. В 1997–1998 гг. ее слушали ежедневно или хотя бы изредка только 18,8% наших респондентов, тогда как в 1992–1993 гг. — 46,6%. Отчасти это объясняется появлением альтернативных источников — в виде российских СМИ, в том числе еврейских, но главная причина, думается, в исчезновении ажиотажного интереса к Израилю, характерного для начала 90-х гг., когда российское еврейство как бы заново открывало его для себя.

Большую роль играли личные источники информации: около трети российских евреев имели среди израильтян близких родственников — родителей, детей, супругов, родных братьев и сестер (этот показатель со времени первого исследования сократился в 1,6 раза, что явилось следствием эмиграции в Израиль многих из тех, кто хотел воссоединиться с семьей); около двух третей имели более отдаленную родню; абсолютное большинство (почти три четверти) — близких друзей.

Эмоциональное отношение российских евреев к евреям Израиля варьировало в широком диапазоне: от нейтрально-индифферентного («ничем не выделяю, отношусь как к любому другому народу») до экзальтированного («это мой народ, я ощущаю неразрывное кровное родство с ним»). Ни та, ни другая позиции не являлась доминирующей: первая из них характерна только для четверти респондентов, а вторая — лишь для каждого пятого (важно отметить, что по сравнению с 1992–1993 гг. последний показатель уменьшился почти вдвое). Наиболее же распространенный тип отношения к израильским евреям — спокойно сочувственный: «это народ, глубокого родства с которым я не ощущаю, но к которому чувствую особую симпатию» (так считала почти половина выборки).

Культура, образ жизни израильтян были близки почти двум пятым наших респондентов, и это практически совпадало с показателем их отношения к культуре и образу жизни народов Западной Европы. Другие культурно-цивилизационные ареалы, включая США, представлялись респондентам гораздо более чуждыми. Однако покогортный анализ свидетельствует о том, что люди моложе 50 лет воспринимают как более близ-

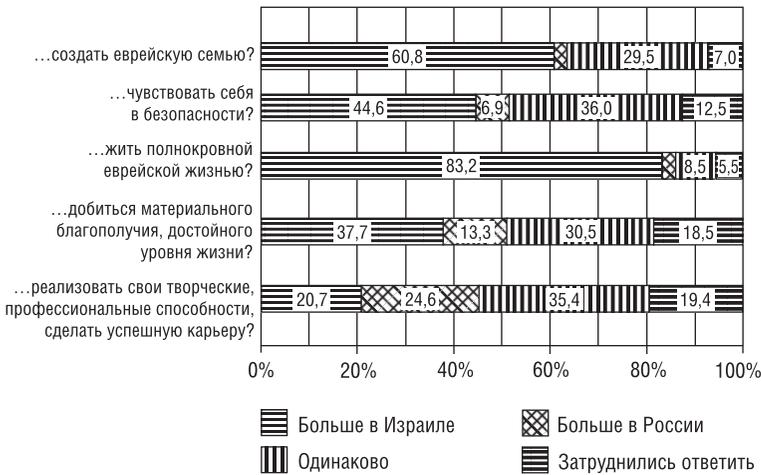

Рис. 1.1. Ответы на вопрос: «Если выбирать между Россией и Израилем, где, на Ваш взгляд, у российского еврея больше возможностей для того, чтобы...»

кие культуру и образ жизни народов Западной Европы, нежели Израиля, и только для пожилых российских евреев Израиль в этом отношении «роднее» близлежащей Европы.

Расширение потока информации об Израиле, увеличение числа каналов ее получения позволили респондентам достаточно объективно сравнивать возможности «русских» евреев в этой стране и в самой России (см. рис. 1.1).

Израиль явно представлялся им значительно более перспективным для полноценной еврейской жизни. С точки зрения опрошенных, там также несоизмеримо больше возможностей для создания еврейской семьи (любопытно, что матримониальная привлекательность Израиля выше оценивается людьми пожилыми и ниже — молодежью). Уровень безопасности, согласно оценкам респондентов, мало чем различается: 44,6% считали, что большую степень защищенности дает Израиль, а 42,9% оценивали обе страны в этом плане одинаково или даже отдавали предпочтение России. Перспективы для самореализации, профессионального продвижения, материального благополучия российских евреев в Израиле явно не рисовались безоблачными. Интересно, что люди, посещавшие эту страну, оценивали подобные перспективы выше, чем

никогда там не бывавшие. Напротив, наличие в Израиле ближайших родственников не склоняло чашу весов в его пользу.

Эмиграцию в Израиль как наиболее приемлемую жизненную стратегию для российских евреев одобрял каждый четвертый респондент в 1997–1998 гг. — меньше, чем пять лет назад, когда такой точки зрения придерживался почти каждый третий. Что же касается личного выбора в гипотетическом случае принятия респондентом решения об эмиграции, то и здесь обнаруживается снижение привлекательности Израиля: в 1997–1998 гг. как страну въезда его назвали 35,9 % опрошенных против 45,8 % в 1992–1993 гг. Среди тех, у кого есть близкие родственники в Израиле, 54 % выбирали эту страну в качестве возможного места жительства (в случае принятия такого решения) против 29 % среди тех, у кого таких родственников там нет. Данный результат может свидетельствовать о том, что переезд в Израиль все чаще мотивируется стремлением к воссоединению семей.

В целом, судя по всему комплексу показателей, за прошедшие пять лет отношение к Израилю у российских евреев стало значительно более сдержанным, чем раньше. По-видимому, прежде всего это связано с тем, что менее «сионистскими» стали механизмы национальной самоидентификации. Так, в 1,8 раза реже респонденты стали отмечать, что важнейший критерий истинного еврея — чувствовать свою связь с Израилем. В то же самое время в 2,7 раза чаще, чем пять лет назад, респонденты указывали, что это не имеет значения. Примечательно, что данный показатель «истинного еврейства» был подвергнут самой жестокой девальвации среди длинного перечня из 18 пунктов. С утверждением, что все евреи должны рано или поздно вернуться на свою историческую родину — в Израиль, в 1992–1993 гг. категорическое несогласие выразили чуть более трети опрошенных, а в 1997–1998 гг. — почти половина.

2. Антисемитизм и еврейское самосознание

Антисемитизм в различных его ипостасях — государственный, идеологический (включая антииудаистский и антисионистский), религиозный (подпитываемый христианской доктриной) и, наконец, так называемый бытовой — являлся вечным спутником и едва ли не самой острой жизненной и

экзистенциальной проблемой для нескольких поколений советских евреев.

В период послезастойной перестройки, последующей суверенизации, демократизации и реформирования России, ее открытости для мирового сообщества юдофобия «классического» советско-коммунистического образца подверглась основательной эрозии, но не исчезла полностью. Определенная часть российского общества по-прежнему оставалась явно или латентно приверженной тем или иным антиеврейским идеологемам и мифам тоталитарного периода, в том числе и члены Совета Федерации — главы некоторых ее субъектов, часть руководства и членов левых думских фракций, лидеры и активисты ряда юридически зарегистрированных (стало быть, легитимных) массовых оппозиционных партий и движений, не говоря уже о многочисленных официально непризнанных, но нередко поощряемых региональной и местной неономенклатурой радикальных «патриотических», ультранационалистических и откровенно профашистских объединений и организаций.

Последние вели разнузданную юдофобскую пропаганду (как едва ли не свою доминантную идею) через плакаты, листовки, расплодившиеся бюллетени, газеты (чем, впрочем, не брезговала и левая системная оппозиция — коммуно-патриоты), издавали книги известных и неизвестных авторов-антисемитов. Российские ультра от угроз перешли к прямым действиям, таким, например, как акты вандализма в отношении еврейских кладбищ, синагог, которые они совершали при фактическом попустительстве федеральных и местных властей, правоохранительных органов.

Фобии по отношению к евреям со стороны многих маргинальных образований — феномен относительно новый в нашей политической жизни, появившийся в конце 80-х — начале 90-х гг. По меткому определению М. Членова, тогдашнего сопредседателя Совета «Ваада» (Конфедерации еврейских организаций и общин СССР), это — антисемитизм «общественный». Этимология такого термина восходит к заявившим о себе в указанный период организациям и объединениям типа пресловутого общества «Память». Спустя восемь-десять лет можно констатировать, что «общественный» антисемитизм многолик и достаточно распространен.

В 90-е гг. имели место и проявления религиозного антисемитизма, попытки его распространения среди верующих

христиан. За этим стояла явная или плохо скрываемая юдофобия некоторой части иерархов и влиятельных богословов Русской православной церкви и ряда других течений в православии, а также рядовых священников, в соответствующем духе просвещавших свою возросшую паству.

Быстрое вхождение после августа 1991 г. и распада СССР целого ряда евреев и полуевреев в государственную, общественно-политическую, финансово-промышленную, информационную и экспертную элиты новой России; видное место, которое они стали занимать в российском истеблишменте, заметная степень их воздействия на различные процессы в стране — все это вызывало, как уже неоднократно бывало в разных странах и в разные периоды истории, юдофобскую реакцию.

В связи с такой «тотальной экспансией» евреев (компенсирующей почти полувековой период закрытости для них многих каналов вертикальной социальной мобильности), их высокой конкурентоспособностью и влиятельностью различные исследователи проблемы отмечали проявления антисемитизма среди представителей высшего и особенно среднего уровней бюрократии, управленческого персонала крупного и среднего бизнеса, среди деятелей искусства, науки, литераторов, журналистов, включая и некоторых «высоколобых» интеллектуалов. За агрессивным национализмом этих людей, альфу и омегу которого часто составляет юдофобия, стоит вполне прагматическая мотивация (явно выраженная или латентная) — стремление дискредитировать, ослабить и, в конечном счете, вытеснить из своей сферы деятельности более успешных соперников «нетитульной» национальности.

В то же время, согласно выводам ВЦИОМ (основанным на исследованиях 1990, 1992 и 1997 гг.), «в общем и целом массовое отношение к евреям может определяться как преобладание позитивных или, по меньшей мере, толерантных установок, нейтральным отношением подавляющей части российского и, прежде всего, русского населения к евреям, в принципе не отличающегося от отношения к любым другим этническим группам в России»⁵.

Ядро наиболее агрессивных и убежденных антисемитов с начала 90-х гг. практически не расширилось и составляло, по данным зондажа ВЦИОМ 1997 г., 6–7% опрошенных в репрезентативной для всего населения России выборке. Примыкающая к этой группе категория людей с отдельными, но

явно выраженными юдофобскими реакциями оценивалась в 15–18%. Далее следовала четко не определяемая по социальным и культурным критериям группа лиц (25–30%), у которой фобии или дискриминирующие евреев реакции носят несистематический характер и не обнаруживают признаков устойчивого комплекса⁶.

Таков был контекст, в котором проблема антисемитизма рассматривалась в нашем проекте. Мы хотели взглянуть на нее как бы «изнутри», глазами самого объекта этой столь живучей этнофобии — российских евреев.

Конечно, главные вопросы исследования с этой точки зрения — какова роль антисемитизма (негативного компонента внешней макро- и микросреды) в процессах этнической социализации, формирования национального самосознания разных поколений современных российских евреев; каков их реальный опыт столкновений с юдофобией в прошлом и в последние годы; как он влияет на еврейскую идентичность, участие в возрождении национальной жизни, ассимиляцию и эмиграцию. Кроме того, представлялось важным выяснить степень угрозы со стороны антисемитской части общества: то, как она видится нашим респондентам; их мнение о динамике юдофобских настроений и оценку реакции на это российских властей. Наконец, мы не могли не исследовать, как те или иные их представления о будущем российского еврейства зависят от названных объективных и субъективных факторов.

Первое осознание своего еврейства почти к каждому второму респонденту (45,3%) пришло до достижения девяти лет, т. е. в дошкольные и ранние школьные годы. Еще у каждого третьего (35,3%) данные сдвиги произошли до его/ее восемнадцатилетия. Здесь важно отметить, что у нынешней еврейской молодежи (группа респондентов 16–29 лет) это случается намного чаще в годы отрочества и наступления юности (11–17 лет), в отличие от всех других без исключения возрастных когорт, для которых обнаружена прямо противоположная закономерность: первое ощущение себя евреем гораздо чаще приходится на более ранний период — до 11 лет.

Таким образом, подавляющее большинство (четыре пятых) опрошенных начали ощущать себя евреями, будучи не взрослыми людьми, а еще детьми или подростками. Посмотрим, в каком непосредственном контексте разворачивалось это исключительное по своей значимости и последствиям для

личности юного человека стартовое событие этнической социализации, с которого с большой степенью вероятности и началось формирование того или иного этноавтостереотипа (респондентам задавался вопрос «Какие обстоятельства дали Вам впервые почувствовать себя евреем?»).

Реконструируя соответствующую ситуацию своего относительно недавнего или очень отдаленного прошлого (в зависимости от нынешнего возраста), больше половины респондентов по выборке в целом (52,5%) описывают ее только в тональности негативных переживаний и эмоций — обиды, недоумения, разочарования, горечи, уязвленного достоинства, стыда, унижения и т. п.

Вот несколько весьма типичных воспоминаний, относящихся к периоду детства и отрочества:

— во время драки в классе, когда впервые услышал: «жид»;
 — мальчик — моя первая любовь — желая обидеть побольнее, упрекнул, что я еврейка;

— я была единственной еврейкой в классе; учителя и ученики относились ко мне не то что враждебно, но как к чужой;

— на брата в Подольске напала целая группа мальчишек с криками: «Бей жидов! Спасай Россию!» Я тогда стал бояться выходить из дома;

— на всю жизнь запомнилось, как в новом дворе, куда мы переехали, дети стали дразнить «Сарочкой», хотя мое имя — Инна;

— не знала, что писать в графе «национальность», когда впервые в жизни пришлось заполнять карточку-анкету в детской библиотеке, и мама, как-то смущаясь, шепотом подсказала: «еврейка»;

— над моей фамилией — Рабинович, и моим длинным носом в школе издевались с первого же класса все, кому не лень;

— не задумывался о своей национальности, но когда получал паспорт, отец первый раз объяснил, что будет значить для меня «пятый пункт» в дальнейшем.

Достаточно часто первое осознание себя евреем респонденты связывают с дискриминацией в образовательной и профессиональной сферах:

— впервые по-настоящему почувствовал себя евреем, когда из-за фамилии не приняли в университет;

— ощутил, когда мне и другим еврейским парням после окончания института не дали распределения на работу;

— чувствовал себя русским, пока, имея красный диплом инженера, во множестве организаций не получил отказы, хотя у них были вакансии для молодых специалистов;

— на деле ощутил, что такое «пятый пункт», долго и безуспешно пытаюсь поступить в аспирантуру в разные институты (я имел рекомендацию кафедры); до этого к своей национальности относился безразлично.

Распространены и ответы, в которых первое восприятие себя евреем связывают с общей юдофобской атмосферой, громкими антисемитскими акциями:

— ощутил свою национальность после войны, когда всех евреев стали обзывать «Абрамом» или «Сарой»;

— это произошло со мной в период борьбы с космополитизмом: отца выгнали с работы, а до этого я и не знал, чем мы отличаемся от других советских людей;

— мать была медиком, и вся семья во время «дела врачей» стала вдруг подозреваемыми, только потому, что евреи;

— подействовала обстановка, почувствовал вдруг, что бессилен, ни на что не имею прав;

— когда в Ленинграде начали появляться на стенах и заборах антисемитские надписи, листовки, нарисованные шестиконечные звезды;

— почувствовать себя евреем заставило общее недоброжелательное отношение к нам в этой стране, особенно разгул молодых фашистов, потакание им.

В целом по выборке было примерно четверть случаев, когда первая национальная идентификация (или самоидентификация) происходила в положительном событийном и/или эмоциональном контексте (ощущение гордости, радости, значительности и торжественности момента, эстетического и познавательного удовлетворения, семейной, родовой преемственности и т. п.). Таких случаев в два раза меньше (26,8 %), чем ситуаций, когда люди испытывали отрицательные эмоции.

Приведем несколько распространенных воспоминаний, связанных с семейной атмосферой:

— бабушка каждую пятницу вечером зажигала свечи, водила меня на праздники в синагогу, объясняла их значение; благодаря этому я очень рано почувствовал себя евреем;

— и отец, и мать были музыканты, часто дома играли на скрипке еврейские мелодии, которые с самого детства вошли ко мне в душу;

— неожиданно узнал от матери, что мой прадед был знаменитым на всю Украину раввином; это меня потрясло, ведь раньше никогда не интересовался ни своими предками, ни вообще чем-то еврейским;

— у меня это получилось само собой, очень естественно, а не из-за каких-то особых обстоятельств; просто в доме было много книг о евреях, кассет с еврейской музыкой; отец и мать с раннего детства научили меня гордиться тем, что я — еврей.

Типичны и ситуации, когда начальное ощущение своего еврейства было вызвано внесемейными факторами:

— помню, как попал случайно на первый в своей жизни еврейский концерт, и он произвел во мне настоящий переворот — до этого я был очень далек от всего еврейского;

— когда в 13–14 лет начал читать самиздатские книги на еврейские темы, понял, что и я являюсь частичкой этого народа;

— все подружки, приятели у меня были русские, никогда настоящей не чувствовала себя еврейкой, пока не побывала в летнем лагере «Сохнута»;

— когда в 1967 году Израиль победил в Шестидневной войне, я воспринял это и как свою победу, можно сказать, впервые почувствовал гордость за еврейский народ;

— одноклассник пригласил к себе домой отмечать Пейсах, и я впервые участвовал в седере, там было много людей, которые неоднократно это делали; я открыл для себя красоту и глубину еврейских традиций;

— когда поступила в еврейскую школу по совету родственников; до этого как-то не чувствовала себя еврейкой.

Первое узнавание в себе еврея через неприязненные, враждебные, юдофобские реакции окружения по частоте резко превалирует над ситуациями с положительным контекстом практически во всех обследованных поколениях. Это превышение составляет 2,3 раза для 30–39-летних (1959–1968 гг. рождения) и 3,4 раза — для 60–69-летних (1929–1938 гг.). Несколько «лучше» пропорция для лиц 70 лет и старше (родившихся в 1928 г. и раньше) — здесь негативные ситуации встречаются только в 1,1 раза чаще, и поэтому можно говорить о приблизительном балансе того и другого контекстов.

Количественно схожий баланс обнаружился и в самой молодой когорте (16–29 лет). Однако соотношение частот негативных и позитивных контекстов, характерных для старта этнической социализации, здесь впервые меняет свой знак на

противоположный, складываясь в пользу последних. Если сравнить поколение, родившееся в 1969–1982 гг., хотя бы с соседней возрастной группой, то 33,8% молодых евреев, испытывавших тогда положительные эмоции, — это в полтора раза больше, чем среди 30–39-летних. Вместе с тем «всего лишь» 31,7% молодежи, узнавшей о своем еврействе благодаря антисемитским аффектам среды, — это в полтора раза меньше, чем в соседней группе и в 2–2,2 раза меньше, чем в поколениях ровесников их родителей и отчасти прародителей (в возрастной группе 50–69 летних).

Кроме того, обнаружилось обнадеживающие изменения со времени нашего первого исследования 1992–1993 гг. Тогда и в молодежной группе соотношение случаев с негативной и позитивной эмоциональной направленностью оказалось равным 2:1, что, впрочем, было меньше (и весьма существенно), чем во всех остальных когортах. Спустя пять лет частота негативных обстоятельств, сопровождавших первичную этническую идентификацию, у подрастающего поколения осталась практически прежней. Но гораздо важнее, что за тот же период более чем вдвое возросла доля случаев с позитивной эмоциональной направленностью (в начале 90-х гг. этот показатель составлял для тогдашних 16–29-летних евреев только 16,3%).

Зафиксированная динамика позволила сделать осторожный вывод: мы становимся свидетелями рождения столь долго ожидаемой советским, а теперь — российским еврейством благоприятной тенденции к смене парадигмы стартовой этнической социализации, когда еврейские дети и подростки будут все реже узнавать, кто они есть, из уст и действий антисемитов и все чаще — благодаря первому приобщению к традиционным и современным ценностям своего народа.

В пользу такого вывода говорят и другие использованные в исследовании показатели, которые могут относиться к более поздним годам жизни. Отвечая на вопрос интервью 1997–1998 гг.: «Что оказало наиболее существенное влияние на формирование Вашего национального самосознания?», каждый второй (54,7%) респондент (по выборке в целом) назвал антисемитизм. Это, конечно, очень много и свидетельствует о том, что и после первого столкновения с юдофобской частью окружающей среды она еще долго продолжает влиять на осознание людьми своей еврейскости.

Однако одновременно может крепнуть внутриличностное сопротивление антисемитизму, вырабатываться психологиче-

ские механизмы позитивной этнической рефлексии, находящей опору в семейных и общеврейских традициях, духовном, культурном наследии. Почти половина респондентов главным фактором, определившим их этническое самосознание, называют книги; около двух пятых — еврейскую музыку, спектакли на еврейские темы; более четверти — встречи знаменательных дат и национальных праздников; каждый четвертый — домашний архив (письма, фотографии, документы и т. п.); столько же называют национальную еврейскую кухню и, наконец, почти каждый десятый — приобщение к религиозным обрядам, ритуалам. Правда, заметим, что и литература, и песни, и театр, и семейные предания, и даже даты еврейского календаря могут содержать как прямые указания на деяния антисемитов разных эпох и стран, так реминисценции, связанные с антиеврейской практикой прошлого и современности.

И здесь мы видим тот же внушающий оптимизм тренд: еврейская молодежь гораздо реже подвержена деструктивному воздействию антисемитизма, чем все без исключения старшие поколения. Доля тех, кто назвал этот фактор главным из сформировавших их национальное самосознание, среди 16–29-летних в 1,7 раза меньше, чем по выборке в целом. Обнаружился, и это более важно, существенный «отрыв» молодых от смежной когорты 30–39-летних: у первых указание на антисемитизм встречается в 1,4 раза реже, чем у вторых. Зафиксируем попутно, что поколение наиболее «ушибленных» в период формирования их национальной идентичности — все те же 50–69-летние, родившиеся в 1929–1948 гг., чье детство и юность пришлось на годы Холокоста, «борьбы с космополитизмом», «дела врачей», окончательного оформления системы тотального государственного антисемитизма, включавшей в себя и фактический геноцид еврейской культуры. Среди них около двух третей назвали юдофобию главным фактором своей этнической социализации.

Таким образом, еврейская молодежь конца XX в., по сравнению со старшими поколениями, обрела свое этническое самосознание, будучи гораздо менее подверженной комплексу «униженных и оскорбленных» и гораздо более органично и естественно включенной в цепь преемственности еврейских ценностей. В ходе последующего анализа мы еще не раз будем иметь возможность подтвердить этот вывод.

Стеснение, стыд за свою национальную принадлежность — это та эмоциональная ипостась личностной патологии, ответственность за которую в значительной степени несут расизм и этно- и ксенофобии. Чувства же национального достоинства, гордости, пусть нередко и гипертрофированные; внутреннее сопротивление, оказываемое диффамации фрустрированной личностью; любая форма ее протеста (когнитивная, аффективная, поведенческая) — это те «антигела», которые она вырабатывает, пытаясь ослабить, нейтрализовать, словом, защититься как от собственных «антигенов» подавленности, неполноценности, страха и т. п., связанных с этничностью человека, так от прямых или опосредованных «токсических» воздействий враждебной ему части социальной среды, общества, государства.

Лучше всего диалектическую взаимосвязь этих двух типов рефлексии личности по поводу антисемитизма демонстрируют ответы наших респондентов на вопрос «На протяжении жизни Вам чаще приходилось гордиться или стесняться того, что Вы еврей (еврейка)?». Наиболее распространенный ответ (в обоих исследованиях) отражает смешанную реакцию — «было и то, и другое в равной мере». Так считали 30,9% и 28,1% опрошенных. Во втором опросе только каждому десятому чаще довелось испытывать стеснение, и это почти вдвое меньше, чем пять лет тому назад, когда тот же показатель составлял 17,8% (любопытно, что если в первом исследовании доля тех, кто прошел через неприятные переживания, была в обеих столицах в полтора раза выше по сравнению с провинциальным Екатеринбургом, то во втором региональных различий практически не было). Отметим особо, что в молодежной когорте, по сравнению с выборкой в целом, процент таких респондентов, которые чаще стеснялись, и теперь, и пять лет назад существенно меньше: в 1,6 и 1,4 раза, соответственно.

Что касается «другой стороны медали», то за пять лет удельный вес тех, кто чаще гордился своим еврейством, по выборке в целом практически не изменился: соответственно, 24,8% и 27%. Важно отметить, что среди 16–29-летних этот показатель выше, но и он, по данным первого и второго замеров, стабилен — 35,5% и 35,3%. Как бы то ни было, подавляющее большинство респондентов не остались на протяжении жизни индифферентны и пережили те, другие либо смешанные чувства по поводу своей национальности. Факт, что только четверть

опрошенных в нашей выборке в 1992–1993 гг. и около трети в 1997–1998 гг. смогли вполне определенно сказать о себе: «я никогда не стеснялся, но и не гордился тем, что я еврей».

Каждый второй респондент в выборке 1992–1993 гг. с той или иной частотой испытывал стеснение по поводу своей национальности (такое чувство приходило к нему/ней чаще всего или, по крайней мере, так же часто, как и противоположные ощущения). Это вдвое выше доли тех, кто чаще испытывал гордость (только четверть опрошенных), т. е. соотношение двух показателей равнялось 2 : 1. В выборке 1997–1998 гг. пропорция заметно изменилась в пользу гордости и составила 1,4 : 1. Однако самое существенное в этой динамике — сдвиги в молодежной когорте: если в первом замере названная пропорция составляла для нее 1,2 : 1 (чем еще тогда выгодно отличала молодых от выборки в целом), то во втором — 1 : 1,1. Другими словами, налицо принципиальнейшее изменение, смена знака личностного вектора на полярный: у молодых людей чувства национальной гордости, достоинства пусть немного, но уже превалируют над эмоциями негативного свойства — неловкости, самоуничижения, стыда за свою принадлежность к еврейству.

Необходимо сказать, что нынешняя молодежь в этом отношении — не единственная когорта еврейской популяции. Другая такая когорта — респонденты 70 лет и старше; люди, чье детство и юность пришлись на первую треть века. У них преобладание положительных чувств над отрицательными, по данным исследования 1997–1998 гг., даже более впечатляющее, чем у их внуков и правнуков — зафиксированная пропорция стыда и гордости, испытанных на протяжении жизни, составляет 1 : 1,3. Таким образом, круг начинает замыкаться: через несколько поколений советские «евреи молчания», как назвал их нобелевский лауреат, писатель Э. Визель, возвращаются от патологии к естественному состоянию, когда одной из основ этнической идентичности являются чувства национального самоуважения и достоинства. Молодежь становится похожей на своих дедов и прадедов, для большинства которых их еврейство было не позорным клеймом, а драгоценной реликвией, пронесенной предками через столетия.

До сих пор мы анализировали эмотивно-аффективный аспект базовой для еврейского самосознания дихотомии «гордость—стыд», преломляющейся в личном опыте переживаний наших респондентов. Исследуем теперь когнитивный аспект

этой дихотомии, т. е. связанные с ней мнения, убеждения, стереотипы, нормы и ценности.

Нормативное, с точки зрения респондентов, определение признаков этничности фиксировалось одним из ключевых вопросов интервью «Что, по-вашему, означает — «быть евреем»?» (можно было выбрать любое количество дефиниций из девяти предложенных). Ответ — «испытывать гордость за свой народ» — дал каждый второй опрошенный и в 1992—1993, и в 1997—1998 гг., что свидетельствует не только о большой значимости показателя, но и о его исключительной стабильности во времени. В ранжированном ряду всех девяти критериев (каковыми, по сути, являются определения еврейскости) этот занимает третье место, уступая только норме, отражающей собственно национальное происхождение («быть сыном/дочерью родителей евреев или одного из родителей»), и норме, говорящей о глубокой личностной самоидентификации с данным этносом как таковым («ощущать себя частью еврейского народа»). Два этих критерия собрали по две трети голосов в выборке.

Норму—controversus («быть евреем — значит чувствовать неприязнь к себе окружающих, антисемитизм»), разделяет гораздо меньшее число респондентов: каждый шестой в 1992—1993 гг. и каждый четвертый в 1997—1998 гг., что соответствует седьмому и шестому местам в ранжированном ряду критериев.

Таким образом, мы видим, что антиномия между понятиями «национальная гордость» и «национальная униженность» сохраняется и на когнитивном уровне еврейского менталитета. Однако, в отличие от эмотивно-аффективного уровня, предполагающего непосредственное, как правило, очень ситуативное чувственное переживание, здесь баланс складывается явно в пользу положительной парадигмы. Будучи скорее рациональной, чем эмоциональной, она стала результатом длительного переосмысления личностью негативного опыта столкновений с юдофобией, выработки ею защитных психологических механизмов, сублимирования фрустрирующих аффектов в антидиффамационные установки и такую активную жизненную позицию, которая находит опору в позитивных образцах и моделях преемственности, выживания и достижений евреев в диаспоре.

На когнитивном уровне покогортные различия выступают еще более резко, чем на эмотивно-аффективном. Доля тех, кто

разделяет негативное представление («быть евреем — чувствовать антисемитизм окружающих»), в опросе 1997—1998 гг. последовательно снижается почти в шесть раз: от максимального значения в группе 70-летних и старше (36,9%) до минимального — среди 16—29-летних (всего лишь 6,5%). У молодых такое определение еврейскости вообще находится на самом последнем месте. Очень низкая частота этой нормы (в основе которой зеркальное, или рефлектирующее, отраженное «Я» человека), ее последнее место в ряду других и столь значительный «отрыв» от самой старшей когорты были характерны для еврейской молодежи и в 1992—1993 гг., что еще раз свидетельствует: тенденция ее освобождения от комплекса неполноценности, зародившаяся в начале последнего десятилетия XX в., оказалась устойчивой.

Мы использовали еще один важный когнитивный показатель, более жестко фиксирующий нормативные представления респондентов о национальном самоуважении и противостоянии юдофобии. Эмпирическими референтами этого показателя служили ответы на вопрос интервью: «Что, по Вашему мнению, является обязательным, что — желательным, а что — не имеет значения, чтобы считать человека истинным евреем?». По этой трехчленной шкале респонденты оценивали каждое из 18 предложенных качеств, которыми гипотетически мог обладать такой индивид.

Список качеств включал, во-первых, ряд ключевых предписаний Галахи (нормативной части иудаизма, регламентирующей все стороны жизни евреев) — таких, например, как вера в Бога; соблюдение субботы, кашрута (диетарных законов), других традиционных обычаев, ритуалов; благотворительность; моноэтничный брак; во-вторых, секулярные качества, относящиеся к знанию еврейской истории, языка, культуры; в-третьих, также нерелигиозные качества, проявляющиеся в типе этнической самоидентификации индивида и его реакции на воздействия нетолерантной среды.

Обнаружилось, что как раз вся последняя группа качеств наиболее императивна в системе еврейских нормативных ценностей, интернализованных нашими респондентами. В выборке 1997—1998 гг. на первом месте из 18 качеств — то, которое напрямую связано с самым трагичным в новейшей истории европейского еврейства тотальным и беспощадным антисемитским террором — «хранить память о Катастрофе».

Свыше трех четвертей (77,5%) считают это обязательным для настоящего еврея (в 1992–1993 гг. таких ответов было лишь немногим меньше — 69,3%).

Практически такой же по значимости императив (второе место в ранжированном ряду — 75,6%) — «не скрывать своей принадлежности к евреям». Тут уместно заметить, что в первом исследовании эта норма формулировалась нами в принципиально иной модальности и довольно неудачно — «стремиться открыто демонстрировать свою принадлежность к евреям». Неудивительно, что она набрала ровно в десять раз меньше голосов.

Очень высока значимость и такого нормативного требования к истинному еврею, как «защищать честь и достоинство своего народа» (69,5 % — третье место; в первом исследовании — 77,6%, первое место). Наконец, четвертое место в группе доминирующих в распределении императивов занимает следующий: «гордиться своей национальностью». В этом убежден каждый второй опрошенный (44,8% в 1997–1998 гг. и 51,7% в 1992–1993 гг.).

Таким образом, недремлющая память индивида о трагедии «окончательного решения еврейского вопроса» в исполнении антисемитского режима национал-социалистов; оппозиция индивида нынешней юдофобии и готовность активно противостоять диффамации; публичная идентификация себя с еврейством; национальное достоинство и гордость (но не гордыня) — вот те маркеры подлинной принадлежности конкретного лица к этносу, которые российские евреи 90-х гг. считали главными. Религиозность, традиционный образ жизни и даже секулярные знания национального наследия гораздо реже выступают жесткими критериями еврейскости.

Принципиально важно, что доминирование четырех названных выше критериев сохраняется во всех без исключения когортах — от людей преклонного возраста до самых молодых (такая закономерность зафиксирована и в первом, и во втором исследованиях). Это убедительно говорит о фундаментальном характере и большой устойчивости личностной нормативно-ценностной системы идентификации и самоидентификации современных евреев.

Впрочем, определенная симптоматичная динамика в череде поколений все же обнаруживается. От 70-летних и старше к 16–29-летним происходит плавное снижение доли тех, кто

считает обязательным для истинного еврея: не скрывать своей национальности — в 1,4 раза, гордиться ею — в 1,2 раза, защищать ее честь и достоинство — в 1,3 раза (по данным 1997—1998 гг.) Такой тренд можно интерпретировать как результат коренных позитивных изменений российского социально-политического контекста, в котором происходила этническая социализация молодых евреев на протяжении 90-х гг. Можно предположить, что для этого постсоветского поколения значимость названных императивов и дальше будет постепенно снижаться. Сходная тенденция видна и на примере наиболее сильного из всех 18 нормативных требований — «хранить память о Катастрофе»: в самой старшей возрастной группе его назвали 88,1%, в самой младшей — 62,6%, т. е. значимость снижается в те же 1,4 раза.

О значении Катастрофы для еврейской идентичности надо сказать отдельно. Память о шести миллионах погибших европейских евреев, о безнадежном, но героическом противостоянии нацистам в целом ряде гетто и лагерей уничтожения не только прочно закрепились в коллективном сознании выживших, их соплеменников на других континентах, находившихся вне досягаемости национал-социалистов, а также в сознании потомков тех и других. Она не только запечатлена во множестве мемориалов, музеев, архивов, книг, фильмов, в особой скорбно-торжественной дате современного еврейского календаря. Как показано выше, она стала не только одной из доминантных норм-критериев еврейскости. Память о Холокосте — это еще и сугубо индивидуальное, к какому бы поколению не принадлежал еврей, глубоко эмоциональное переживание; источник эсхатологических размышлений, исторических аналогий, оценок текущих событий, ситуативных поведенческих решений и долговременных жизненных стратегий.

Оба наши исследования подтверждают, что это действительно так. Абсолютное большинство респондентов в выборке 1992—1993 гг. ответили твердым «да» на вопрос «Есть ли у Вас чувство, что трагедия еврейского народа во время второй мировой войны — это и Ваша личная трагедия как еврея/еврейки?». Правда, и в этом случае мы наблюдаем неуклонное, хотя и небольшое, покогортное снижение показателя: с 98,2% в самой старой возрастной группе до 81% среди молодежи. Конечно, значительная часть довоенного и военного поколений в выборке — люди, сами пережившие гибель в огне Холокоста

близких, друзей, знакомых либо прошедшие подполье, гетто, концлагеря, освобождавшие оккупированные немцами территории и воочию видевшие свидетельства злодеяний против евреев. Их эмоции основаны, прежде всего, на непосредственном личном опыте. Но для остальных и особенно для тех поколений, которые родились и выросли уже после войны, в том числе через несколько десятилетий, весьма выпукло проявляется механизм групповой идентификации — психологического отождествления себя с жертвами тотального антисемитского террора.

Такая же закономерность, но с гораздо более резким перепадом между крайними когортами, зафиксирована в распределении ответов на другой вопрос интервью 1992–1993 гг., уже непосредственно связанный с механизмом этнической социализации: «Оказала или не оказала эта трагедия какое-либо влияние на формирование Вашего еврейского самосознания?». Среди престарелых людей свыше трех четвертей признали «сильное влияние» на них Холокоста и еще около $\frac{1}{5}$ — его «некоторое влияние» (суммарный процент составил 95,2). В молодежной группе эти два показателя, соответственно — две пятых и чуть больше двух пятых (всего 83,8%).

По данным исследования 1997–1998 гг., обнаруженная тенденция — последовательное снижение от поколения к поколению воздействия Катастрофы на личность — полностью сохранилась. У престарелых доля тех, кто испытал его в значительной степени, составляет более пяти шестых; у молодых респондентов — половину. Показатель «сильного влияния» еврейской трагедии во всех без исключения возрастных когортах даже немного увеличился по сравнению с предыдущим опросом. Так, среди молодежи и в смежной группе 30–39-летних он в 1,3 раза выше, чем пять лет назад. Наиболее вероятная причина этого кажущегося, на первый взгляд, парадоксальным изменения — появление в этот период массива новой для еврейского населения России информации о Холокосте, ставшей широко доступной благодаря разнообразным мемориальным и просветительским акциям, большому интересу к теме со стороны книжных издательств, СМИ (особенно телевидения) и кинематографа — художественного и документально-публицистического.

Фантом новой Катастрофы — дамоклов меч, подвешенный над судьбой еврейского народа на тонком волоске

непредсказуемых противостояний, конфликтов, войн конца XX в., — тревожил воображение многих наших респондентов, отливаясь во вполне конкретные образы. Об этом говорят их ответы на вопросы интервью: «По-вашему, насколько вероятно, что трагедия, подобная Холокосту, может повториться для еврейства какой-либо страны или региона?»; «Где это может произойти?».

В 1992–1993 гг. больше половины опрошенных (51,9%) считали повторение Катастрофы «достаточно вероятным» и еще 13% — даже «очень вероятным» (суммарно это почти две трети выборки). Если говорить о втором из двух показателей, фиксировавшем крайний пессимизм, то для него обнаружилась знакомая закономерность — чем моложе возрастная группа, тем он меньше, а в итоге, разрыв между стариковской когортой и 16–29-летними составил 1,4 раза. Тех же, кто полагал, что такая трагедия «совершенно невероятна», в выборке было ничтожно мало (2,5%).

Данные 1997–1998 гг. показывают довольно большую инерционность тревожных представлений респондентов о будущем. Суммарная доля допускающих повторение Холокоста, хотя и немного снизилась, все так же составляет большую часть выборки — около трех пятых. Правда, удельный вес носителей крайнего пессимизма уменьшился в целом по выборке в 1,6 раза; при этом относительная дистанция между двумя крайними поколениями полностью сохранилась.

Стабильно наиболее опасной, с точки зрения респондентов, являлась их собственная страна — Россия: из числа тех, кто считает новую Катастрофу «достаточно» или «очень вероятной», большинство (почти три пятых) и в первом, и во втором исследовании назвали именно ее как регион, где такое может произойти. По этому устрашающему показателю Россия прочно удерживала первенство, многократно опережая все другие страны и регионы. Согласно данным 1997–1998 гг., с Украиной возможную угрозу Холокоста связывают всего лишь 3,5% опрошенных, а со всеми другими вместе взятыми государствами бывшего СССР — на один процентный пункт больше. Кстати, еврейские респонденты на Украине, отвечая на аналогичный вопрос, точно так же в первую очередь называли страну своего проживания, правда, гораздо реже — только в одном случае из четырех; но почти столько же из них самым опасным для евреев местом считали Россию.

В российской выборке лишь один из десяти респондентов-пессимистов прогнозировал Холокост для евреев Израиля, Ближнего Востока, других арабских и неарабских мусульманских стран, т. е. как раз в том обширном регионе мира, где не только давно декларировались программы «окончательного решения» еврейского вопроса, но и предпринимались неоднократные попытки их осуществления.

Парадокс совсем другого рода — Германия, страна, являющаяся одним из современных эталонов демократии и цивилизованности, проводящая у себя глубокую денацификацию, преследующая ревизионистов Холокоста, расистов и неонацистов, принимающая и абсорбирующая третью по объему (после Израиля и США) еврейскую эмиграцию из России, Украины и других бывших советских республик, поддерживающая дружественные отношения с еврейским государством. Так вот, несмотря на все это, каждый седьмой-восьмой в выборке видит тень грядущей Катастрофы, нависшей именно над ФРГ, которая в «рейтинге» потенциально опасных для евреев государств следует сразу же за Россией, хотя и с внушительным отрывом.

Случай с Германией — характерный пример чисто алармистского мышления, когда геноцид евреев грезится даже там, где для такого прогноза нет ни малейших оснований. Впрочем, в выборке гораздо больше, так сказать, вселенских алармистов, тревожные ожидания которых вообще не имеют конкретной географической локализации: каждый четвертый респондент считает, что с евреями такое «может произойти в любой стране».

Итак, судя по всем приведенным данным, современному еврейскому менталитету в высокой степени имманентен катастрофизм — устойчивые представления о циклической повторяемости разрушительных для народа катаклизмов, причина которых кроется в фатальной предопределенности всегда и везде быть объектом вражды и ненависти. Эти представления складываются, прежде всего, из вполне рационалистичных аналогий, выстраиваемых отдельным индивидом из его сведений, знаний о предпосылках и последствиях не только Катастрофы европейского еврейства в середине XX в., но и бесчисленного множества больших и малых холокостов на всем долгом пути евреев в истории. В то же время мы, безусловно, имеем дело с феноменами «коллективного бессознательного», когда доминирующую роль играют неосознанные

чувства, эмоции, настроения. Рациональные же элементы — мнения, знания, оценки, суждения о Холокосте — существуют здесь только в стереотипизированном виде и играют сугубо подчиненную, сервисную роль.

То и другое вместе взятое и дают эффект «исторической» (по определению Б. Ф. Ломова) или «социальной памяти» (по Ю. А. Леваде) совокупного субъекта. Ретроспективная информация, содержащаяся в этой долговременной памяти, предохраняет российское еврейство от амнезии своего трагического прошлого и актуализируется для формирования представлений о стране, мире, а также образов будущего.

Теперь обратимся к личным наблюдениям и опыту наших респондентов в период, непосредственно предшествовавший интервью (напомним, что во втором исследовании опрос проводился осенью 1997 г. — зимой 1998 г.). Прежде всего, мы просили их высказаться о динамике антиеврейских настроений в своем городе за последние 12 месяцев. Главное, на что следует обратить внимание — высокий уровень декларируемой респондентами информированности (действительной или воображаемой): только десятая часть выборки затруднились дать ситуации ту или иную определенную оценку; абсолютное же большинство (90%), как говорится, «в курсе дела», что может свидетельствовать о неослабевающем интересе к проблеме антисемитизма и ее актуальности для них. Далее, отметим весьма прискорбный факт — только ничтожный процент опрошенных в каждом из трех городов полагал, что антиеврейских настроений здесь «не было и нет».

По выборке в целом больше половины респондентов отметили status quo в этих настроениях, не сообщая, каким был их уровень год назад — низким или высоким. Другими словами, такой ответ может означать или позитивное, или негативное отсутствие перемен, но в любом из двух случаев его нельзя назвать нейтральным, потому что он свидетельствовал: юдофобия все еще жива. Но для нас гораздо важнее четкие «знаковые» оценки, которые дали чуть более трети респондентов. И здесь мы обнаруживаем явное преобладание положительной динамики: соотношение частот двух полярных ответов — «антиеврейские настроения ослабели» и «они усилились» — составляет 2:1. Впрочем, процент отметивших такое ослабление невелик (четверть выборки) и поэтому можно говорить лишь о слегка наметившейся благоприятной тенденции. От-

Таблица 2.1

Частота столкновений респондентов с проявлениями антисемитизма (%)

	Год опроса	Часто	Редко	Ни разу	Не помнят
На улице, в транспорте, в очереди	1997/8 1992/3	5,0 11,2	27,9 36,6	64,2 47,8	2,9 4,3
В коммунальной квартире, в доме, во дворе	1997/8 1992/3	3,1 —	11,8 —	82,7 —	2,4 —
На работе	1997/8 1992/3	1,3 3,9	13,6 14,7	83,5 77,0	1,6 4,4
В государственных учреждениях	1997/8 1992/3	3,4 5,8	14,1 17,8	78,6 69,8	3,9 6,5

метим, что в провинциальном Екатеринбурге позитивные перемены были заметнее, чем в обеих столицах.

Таково текущее состояние проблемы антисемитизма, как оно представляется далеко не индифферентным лицам — еврейским жителям трех обследованных городов. Используя социологическую терминологию, можно сказать, что их точка зрения — это обобщенный вывод из лонгитюдного «включенного наблюдения», поскольку они, так или иначе, являются участниками разнообразных межэтнических контактов, в том числе и недружеских. Но гораздо важнее выяснить, приходилось ли нашим респондентам сталкиваться с проявлениями антисемитизма в отношении их лично в течение того же периода (последних 12 месяцев, предшествовавших опросу), и если да, то как часто и в каких средах (см. табл. 2.1).

В первую очередь следует отметить следующий факт — большинство опрошенных в выборке 1997–1998 гг. ответили, что нигде ни разу не испытали чего-то подобного или, по крайней мере, не помнят о таком. Если говорить о проявлениях антисемитизма на работе у респондентов и в различных государственных, муниципальных учреждениях, которые им довелось посещать, то по сравнению с 1992–1993 гг. ситуация практически не изменилась. Что касается антисемитски окрашенных «наездов» в случайной среде — на улице, в транспорте, очереди и т. п., — то тут отмечается благоприятная тенденция: процент ответов «ни разу», «не помню» вырос за пять лет в 1,3 раза.

Тем не менее, объектом юдофобских выходов со стороны совершенно незнакомых прохожих, пассажиров и т. п. становился, по его утверждению, каждый третий опрошенный (в первом исследовании — почти каждый второй). Заметно слабее антисемитизм по отношению к респондентам проявлялся в среде знакомых — соседей по месту жительства (об этом сообщает каждый седьмой в выборке; в исследовании 1992–1993 гг. данный показатель не использовался); коллег (каждый шестой; в 1992–1993 гг. — почти каждый пятый), а также со стороны чиновников, служащих учреждений (подобное случалось с каждым шестым респондентом; пять лет назад — с каждым четвертым).

Таким образом, опираясь на достаточно достоверные эмпирические факты — личный опыт еврейского населения, можно сделать вывод: в период между двумя опросами бытовой в широком смысле, так сказать, «обыкновенный антисемитизм» стал менее распространенным. В практическом плане это значит, что для рядового горожанина-еврея вероятность встретиться с ним лицом к лицу в той или иной повседневной ситуации снизилась, особенно вне стен дома, двора, где он живет, его работы, учреждений, которые он посещает.

Конечно, это отрадная тенденция, но нельзя не принимать во внимание, что, во-первых, темпы изменений незначительны, положительные сдвиги происходят медленно. Во-вторых, вероятность спонтанных проявлений юдофобии где угодно — в метро, уличной сутолоке, магазине — все еще вызывающе высока (напомним, такой опыт есть у 32,9% выборки; в этом отношении провинциальный Екатеринбург также выглядел более благополучным по сравнению с обеими столицами — в нем названный показатель примерно в полтора раза меньше). В-третьих, самое важное, хотя число антисемитских проявлений, приходящихся, так сказать, на душу среднестатистического россиянина-еврея, действительно стало меньше, их эффект, тем не менее, приводит к все тем же последствиям для этой самой души: психологической травме, состоянию фрустрации, ощущению социальной депривации, тревоги, подавленности и, не исключено, утрате этнической толерантности.

Поэтому никак нельзя утверждать, что в 90-е гг. ситуация с антисемитизмом (в данном случае мы говорим о его «бытовой» ипостаси) нормализовалась или хотя бы близка к этому,

если понятие «норма» вообще уместно для любого, пусть даже и низкого, уровня какой-либо этнофобии.

Насколько была актуальна проблема антисемитизма для еврейского населения, можно судить по ответам наших респондентов в 1997–1998 гг., которых интервьюеры спрашивали: «В решении каких жизненных вопросов еврейские организации города могли бы помочь Вам и Вашим близким?» (на выбор предлагался список из дюжины сфер деятельности городской общины). Получить «защиту от антисемитских проявлений, угроз» хотели бы более трети евреев в Екатеринбурге, две пятых — в Санкт-Петербурге и ровно половина — в Москве. В столице эта функция по частоте ее упоминаний занимала третье место среди двенадцати сфер деятельности, уступая только благотворительности и организации досуга, общения в еврейской среде; во второй столице — четвертое место; в провинции — шестое. Однако, в распределении ответов жителей всех трех городов на уточняющий вопрос «Что из названного Вами главное?», антидиффамационная активность еврейских организаций занимает одну из лидирующих позиций — третью. Обязательно надо отметить: чем старше люди, тем острее они ощущали свою уязвимость и тем больше надеялись, что еврейская община защитит их от антисемитизма. Так, среди 16–29-летних на это рассчитывали лишь чуть более четверти респондентов и в ранжированном ряду их ответов такая функция еврейских организаций почти в самом конце — на десятом месте. Зато среди стариков (70 лет и более) ее называли свыше половины опрошенных, и она находилась по частоте упоминания на втором месте из двенадцати.

Обнаруженный высокий рейтинг проблемы у респондентов приводит к весьма неутешительным выводам: еврейские организации либо были все еще слабы и не подготовлены в этом отношении, не располагали реальными опытом, механизмами борьбы с антисемитизмом даже в условиях его относительного спада, либо ими двигал страх перед ответными действиями фундаменталистов от национал-патриотизма. Есть еще одно объяснение: как декларировали в качестве принципиальной позиции многие еврейские лидеры в первой половине 90-х гг., они продолжали «принципиально» уклоняться от участия в искоренении агрессивной юдофобии, полагая, что это дело кого угодно — властей новой России, демократической общественности, наконец, русского народа — только не самих евреев.

Скорее всего, причина и в том, и в другом, и в третьем, но в любом случае пассивно-индифферентная позиция еврейских организаций шла вразрез с ожиданиями широких еврейских масс, ждавших от них надежной защиты от всей гаммы антисемитских проявлений, начиная с бытовых и кончая доктринальными.

Здесь уместно сказать о том, как в 1997–1998 гг. еврейское население оценивало усилия российских властей в борьбе с антисемитскими проявлениями (именно так формулировался вопрос интервью). Оценки эти отражали глубокий пессимизм: значительное большинство респондентов (около двух третей) вообще не замечали каких бы то ни было попыток улучшить ситуацию со стороны власть предержащих. Меньше трети опрошенных признавали некоторый прогресс в антидиффамационной деятельности государственных структур. И лишь 5% в нашей выборке считали, что власти заметно потрудились на этой ниве. Описанная ситуация, по-видимому, была географически универсальна для России, судя по тому, что и столичные, и провинциальные жители предъявляют государству практически одинаковый счет, обвиняя его в уходе от проблемы антисемитизма.

Будучи в подавляющем большинстве законопослушными обывателями (один из главных принципов, на которых веками строилась жизнь общин в рассеянии: «дина демалхута дина» — «закон страны есть закон»), российское еврейство 90-х гг. вправе было бы ожидать в отношении себя такой же лояльности от государства и его властных структур — федеральных, региональных, местных. Но ответной «взаимности» не было, не считая спорадических, что называется, приличествующих случаю, но никак не подкрепленных последующими действиями деклараций официальных персон, в том числе и первых лиц, о необходимости противодействия антисемитизму.

Поэтому, несмотря на достаточно толерантное, порой даже переходящее в патерналистское, отношение государства к еврейской религиозной, культурной, общественной и иной активности, нерешенность, а быть может, и принципиальная нерешаемость в России в обозримые годы проблемы элиминирования антисемитизма (как, впрочем, и многих других этнофобий, кавказофобии, например), — вот главная причина изрядного пессимизма заметной части российского еврейства в оценках собственного будущего как одной из российских диаспор.

3. Эмиграционные установки

Решение евреев о том, оставаться ли жить в России или уехать навсегда, определяется широким кругом факторов, среди которых ведущую роль играет оценка ситуации в стране проживания и ее обозримых перспектив. Поэтому улучшение социально-экономического и политического климата в период между двумя опросами способствовало некоторому ослаблению эмиграционных настроений. Еврейское население с несколько большим оптимизмом стало смотреть на свое будущее в России (см. рис. 3.1).

Это объясняется двумя причинами. Во-первых, как сказано выше, была окончательно демонтирована система государственного антисемитизма, в массовом отношении к евреям все более стали преобладать позитивные или, по меньшей мере, толерантные и нейтральные установки. Во-вторых, рост экономического благополучия в России в период до августовского кризиса 1998 г. также положительно повлиял на социальное самочувствие евреев. В результате, если в 1992–1993 гг. не многим более трети опрошенных положительно оценивали перспективы свободной национальной жизни евреев в России

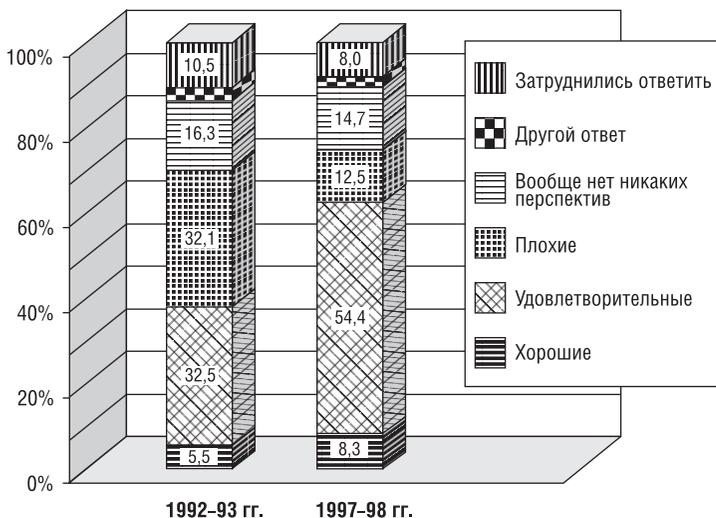

Рис. 3.1. Оценка респондентами перспектив свободной национальной жизни еврейского населения России

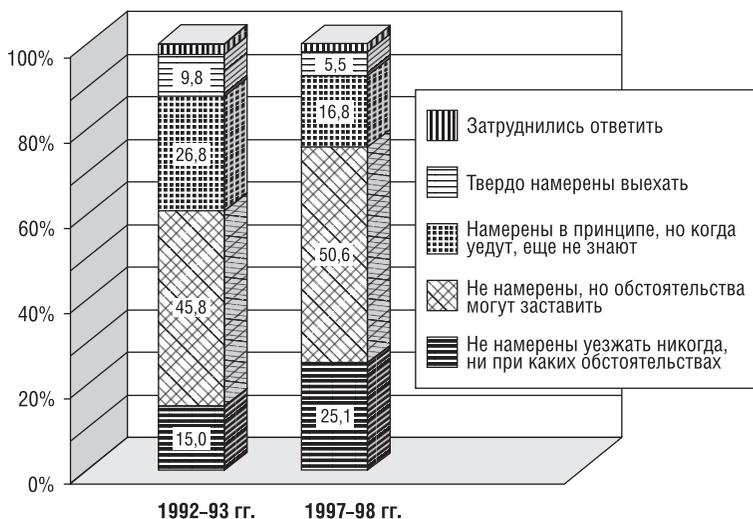

Рис. 3.2. Ответы на вопрос: «Есть ли у Вас намерение уехать на постоянное жительство в другую страну и если да, то когда Вы собираетесь это сделать?»

(как хорошие или удовлетворительные), то в 1997–1998 гг. доля таких оптимистов достигла почти двух третей выборки.

Указанная позитивная динамика способствовала снижению ориентаций на отъезд из страны (см. рис. 3.2).

Доля тех, кто не намерен уезжать из страны никогда, ни при каких обстоятельствах, возросла за пятилетие на две трети. Намеревающиеся выехать за границу на постоянное жительство стали составлять всего чуть больше четверти, что в 1,6 раза меньше, чем пять лет назад.

Определяющим фактором в формировании эмиграционных планов респондентов является их возраст. Потенциально наиболее мобильна молодежь, больше трети которой намерены покинуть Россию. Среди пожилых (70 лет и старше) эмиграционные настроения распространены меньше всего; в этой возрастной группе планирует выехать лишь один из десяти опрошенных (см. рис. 3.3).

Изначально в исследовании прорабатывалась гипотеза, согласно которой наиболее высокий эмиграционный потенциал ожидался в группе наименее обеспеченных в материальном

отношении респондентов. Предполагалось, что настроены уехать прежде всего те, кому нечего терять, чьи доходы не позволяют обеспечить достойный уровень жизни в России. Эта гипотеза не подтвердилась в 1992–1993 гг. и вновь была опровергнута в 1997–1998 гг. Напротив, среди людей с самыми низкими доходами оказалась самой высокой доля тех, кто не намерен уезжать ни при каких обстоятельствах, тогда как среди наиболее обеспеченных этот показатель — втрое меньше (см. рис. 3.4).

В определенной мере эта закономерность связана с тем, что среди наименее обеспеченных респондентов большинство составляют пожилые люди, которым труднее других менять привычное окружение, адаптироваться к новым условиям жизни. Но этим объяснение не исчерпывается. Потенциальные эмигранты — это, по-видимому, люди социально более активные, что позволяет им и лучше преуспевать в России, и

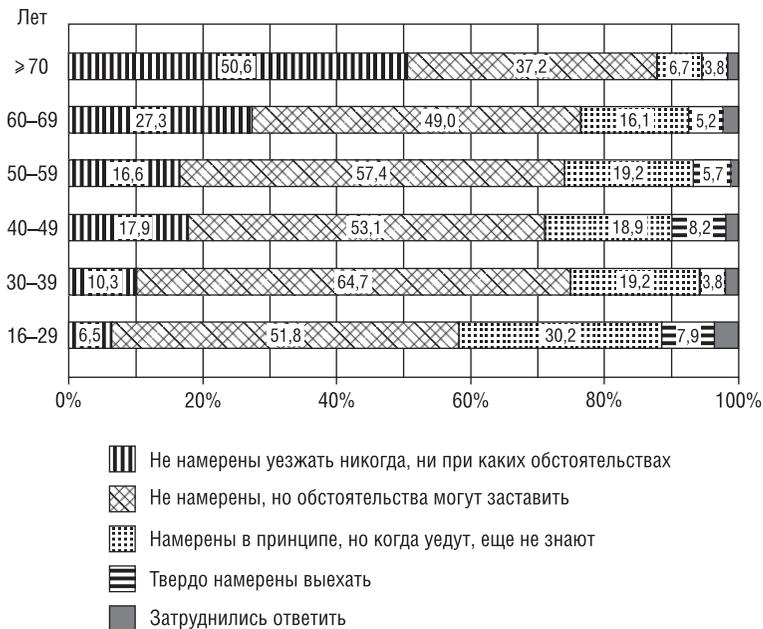

Рис. 3.3. Ответы на вопрос: «Есть ли у Вас намерение уехать на постоянное жительство в другую страну и если да, то когда Вы собираетесь это сделать?», в зависимости от возраста

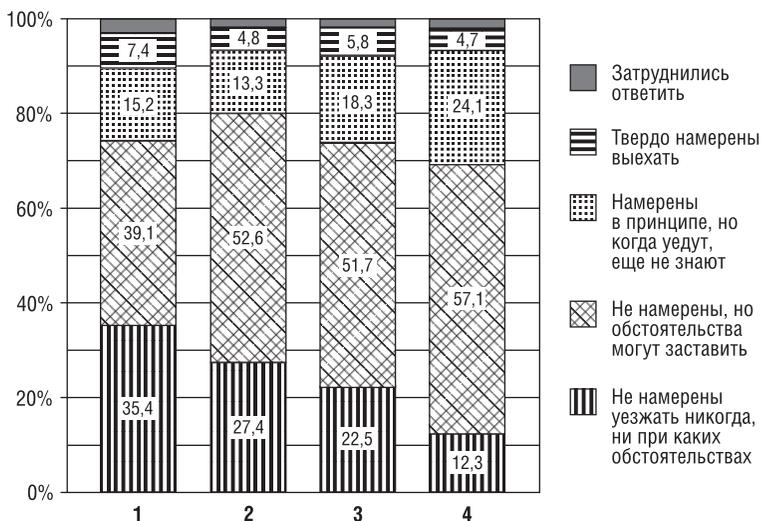

Рис. 3.4. Зависимость эмиграционных планов от уровня материальной обеспеченности:

- 1 — «Мы живем от зарплаты до зарплаты, часто приходится занимать деньги на самое необходимое, а о сбережениях не может быть и речи».
- 2 — «На ежедневные расходы нам хватает денег, но уже покупка одежды представляет трудности: для этого мы должны специально откладывать или брать в долг».
- 3 — «Нам в основном хватает денег, мы можем даже кое-что откладывать, но при покупке вещей длительного пользования наших сбережений не хватает, и мы должны пользоваться кредитом или брать в долг».
- 4 — Более высокий уровень обеспеченности (от: «Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает у нас трудностей» до: «Мы можем ни в чем себе не отказывать»).

большого ожидать в эмиграции. Поэтому среди самых обеспеченных зафиксирована максимальная доля тех, кто намерен покинуть страну.

Итак, в 1997–1998 гг. подавляющее большинство евреев (75,7%) не намерены были уезжать, во всяком случае, могли пойти на это только под жестким давлением внешних обстоятельств. Однако зачастую это не означало принципиального отрицательного отношения к самой идее отъезда. Наоборот, лишь треть опрошенных отметили, что среди принимаемых многими евреями решений им наиболее симпатично желание остаться в России (см. рис. 3.5). Но важно отметить, что за пятилетие между двумя опросами этот показатель заметно вырос — в 1,3 раза.

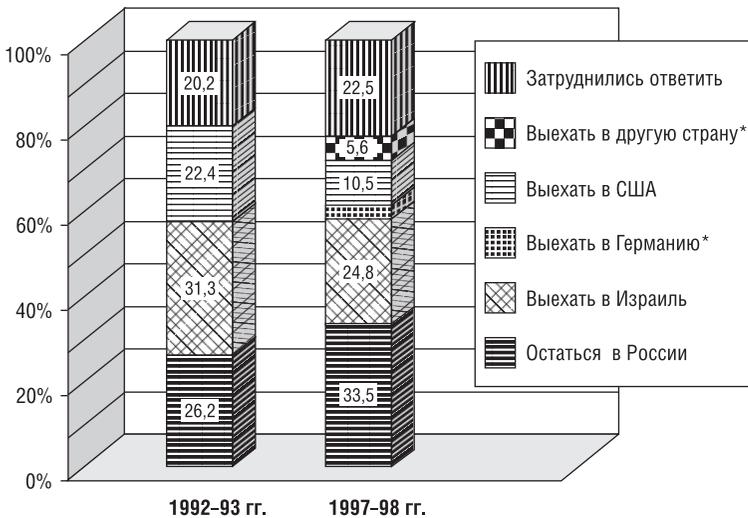

Рис. 3.5. Ответы на вопрос: «Какое из принимаемых многими евреями решений Вам наиболее симпатично: остаться в России или выехать в другую страну?»

* В опросе 1992–1993 гг. респондентам не были предложены ответы «выехать в Германию» и «выехать в другую страну»

То, что идея выезда в Израиль стала для респондентов менее приемлема при одновременном росте симпатий к решению оставаться в России, связано со сравнением тех или иных ключевых аспектов жизни в обеих странах, о чем говорилось выше. В случае с Израилем безоговорочно выше были оценены лишь возможности создания там еврейской семьи, а также перспективы жить полнокровной национальной жизнью.

Однако именно последнее обстоятельство наши респонденты реже всего отмечали в качестве главного мотива, побуждающего российских евреев эмигрировать. В 1997–1998 гг. в качестве такого мотива опрошенные гораздо чаще называли юдофобию, общую нестабильность в стране, стремление к благополучной цивилизованной жизни, а также воссоединение семей (см. рис. 3.6).

Следует отметить, что антисемитизм в качестве лидирующего мотива еврейской эмиграции присутствовал в сознании респондентов скорее как факт истории, а не как отражение актуальной ситуации. Подтверждение тому — у молодых он за-

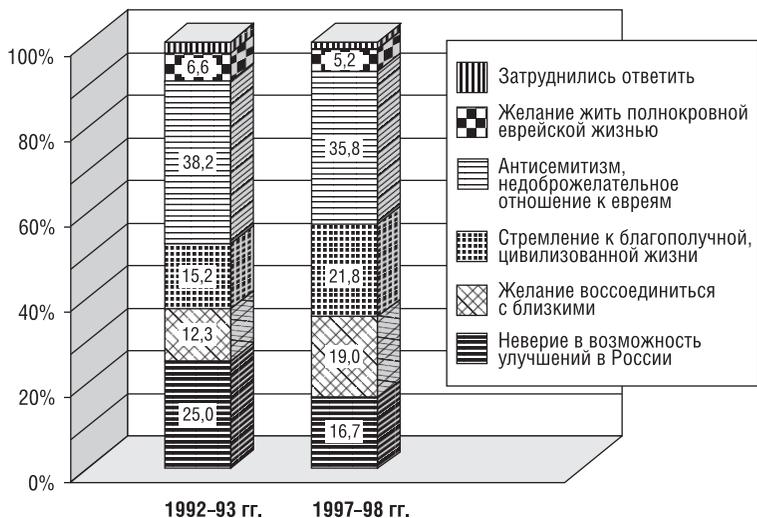

Рис. 3.6. Распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, какая причина, побуждающая евреев уезжать из России, является главной?»

нимал лишь третье место, уступая таким мотивам, как стремление к лучшей жизни и неверие в позитивные перемены в России. И чем старше респонденты, тем чаще враждебное отношение к евреям казалось им самой главной причиной отъезда соплеменников.

Таким образом, соединение панельного и покогортного анализа приводит нас к выводу, что в период между двумя опросами выезд евреев из России все в большей степени определялся позитивным мотивом — стремлением туда, где лучше, и во все меньшей степени — негативными мотивами, связанными с желанием бежать от социально-экономических и политических потрясений, усугубленных межэтническими проблемами. Естественный мотив воссоединения с близкими, обусловленный прежними волнами эмиграции, в этот период также усилился.

Наглядное представление о возможных направлениях еврейской эмиграции из России дает следующая диаграмма (см. рис. 3.7).

В 1997–1998 гг. самой привлекательной из потенциальных стран въезда оставался Израиль, хотя удельный вес респондентов, ориентированных на него, заметно уменьшился по сравнению с 1992–1993 гг. — в 1,3 раза. Точно в такой же пропорции

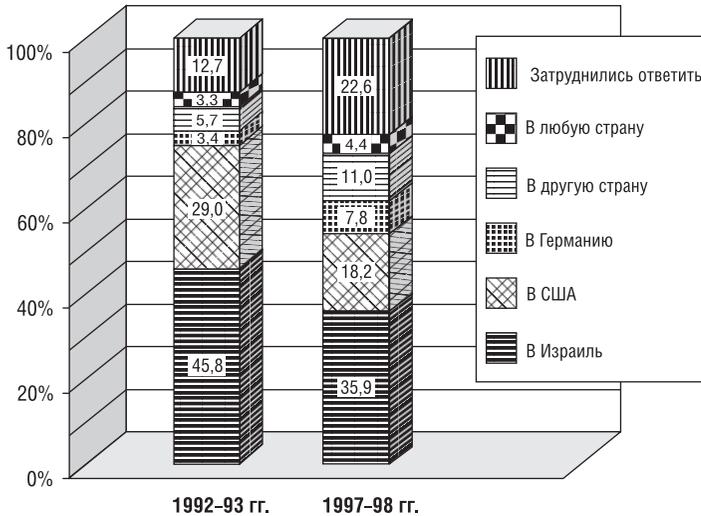

Рис. 3.7. Ответы на вопрос: «Если Вы решите уехать, то в какую страну поедете?»

сократилась и доля лиц, которые предпочтут эмигрировать в США. Зато резко (в 2,3 раза) вырос процент евреев, выбирающих для будущей жизни Германию. Впрочем, по вероятности выезда в нее эта страна все еще многократно уступает первым двум.

* * *

Итак, сравнение данных двух исследований, разделенных пятью годами, показывает, что для российских евреев эмоциональная и когнитивная идентификация с Израилем — по-прежнему важный компонент этнического самосознания. Около трех пятых респондентов безоговорочно воспринимают эту страну как свою историческую родину, и каждый четвертый из них хотя бы раз посетил ее. В то же время можно говорить о возникновении за эти пять лет некоторого психологического «дистанцирования» от израильтян. Так, доля тех, кто считает израильских евреев своим народом и ощущает с ним неразрывное кровное родство, снизилась с 40% до 20%. В 1,8 раза (до 25%) уменьшился удельный вес той группы респондентов, которые чувство связи с Израилем, его судьбой признают обя-

зательным критерием истинного еврея. С главным постулатом сионизма — неизбежности возвращения всех евреев рассеяния, рано или поздно, в землю обетованную, в 1997—1998 гг. были полностью согласны только 11% против 16% в 1992—1993 гг. Доля тех, кто соглашался с этой идеей с оговорками, также снизилась с 40% до примерно 30%.

Проявления этнической недоброжелательности, антисемитизм остались серьезными причинами тревожности для значительной части российских евреев. Но в целом юдофобия стала оказывать меньшее влияние на формирование еврейского самосознания. Это касается, в первую очередь, молодежной когорты, чья этническая социализация в большей мере происходила под воздействием факторов, связанных с возрождением и открытостью еврейской жизни, нежели с психологически разрушительной рефлексией на неприязненное отношение среды. Чувство же гордости за свой народ, защита его чести и достоинства признаются большинством респондентов, независимо от их возраста, обязательными компонентами еврейской идентичности.

По сравнению с 1992—1993 гг., более позднее исследование зафиксировало удвоение доли тех, кто положительно оценивал перспективы свободной национальной жизни евреев в России. Такие люди составили почти две трети выборки. Одновременно произошло сокращение эмиграционного потенциала российского еврейства — процент лиц, не намеренных уезжать из страны никогда и ни при каких обстоятельствах, вырос на две трети, а удельный вес тех, кто планировал эмигрировать, напротив, снизился на 20%. Наиболее вероятным направлением выезда остается Израиль.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отчет ВЦИОМ об исследовании «Отношение населения России к евреям и проблема антисемитизма». М., 1997.

² Отчеты ВЦИОМ об исследованиях: «Отношение населения СССР к евреям и проблема антисемитизма». М., 1991; «Отношение к евреям населения бывшего Советского Союза». М., 1992.

³ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1996. № 5. С. 89.

⁴ Current Russian Attitudes Towards Jews and Holocaust. A Public-Opinion Survey. N. Y., The American Jewish Committee, 1996. P. 27.

⁵ Гудков Л. Параметры антисемитизма. Отношение к евреям в России, 1990—1997 гг. // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1998. № 2. С. 36.

⁶ См.: Как в России относятся к евреям // Иностранец. М., 1998. № 26. С. 20.